

К ВСЕСОЮЗНОМУ СЪЕЗДУ ПИСАТЕЛЕЙ

ПРОДОЛЖЕНИЕ ОТКРЫТИЯ

Даниил ГРАНИН

□ □

ЕСЛИ БЫ социологи попытались подсчитать, какая из существующих на свете профессий представлена в нашей литературе наиболее полно, они бы наверняка запутались. Искусство изображает человеческие характеры, и механическое вычисление количества героев по их профессиональной принадлежности еще ни о чем не говорит. Нет-нет да и раздающиеся в печати обиженные голоса представителей иных профессий — как это у поэта: «а милиция забыта, а пожарник не герой?» — вызваны тем, что у нас даже критики нередко путают ведомственную принадлежность с социальными пластами жизни, дающими художнику темы и материал для произведений.

Я вспоминаю, какой поразительный читательский успех сопутствовал теме труда и производства, «рабочей теме», как мы теперь говорим. Первыми заговорив во весь голос о рабочем классе и рабочем человеке, советские писатели сделали настоящее открытие в мировой литературе. Начиная с романа Федора Гладкова «Цемент», эта тема, продолжающая горьковские традиции, нарастала, приобретала свои формы, рождала свое направление, вскрывала свои проблемы и была очень широко представлена в нашей литературе. Вспомним хотя бы такие произведения разных лет, как «Танкер Дербент» Ю. Крымова, «Люди из захолустья» Малышкина, романы Шагинян, Катаева, Гроссмана, Ильенкова, Ильина. В последующие годы положение меняется. Если литература — условно опять же назовем ее о деревне, о крестьянстве — представлена в общем процессе достаточно полномерно и мы можем перечислить немало удач и достижений, то рабочая тема представлена совсем недостаточно. Блуждающая из статьи в статью, из доклада в доклад фраза «мало у нас еще книг о рабочем классе» стала уже чуть не само собой разумеющейся... Какие же трудности сковали вдруг вдохновенных писателей, многие из которых в недавнем прошлом сами были рабочими, техниками, инженерами?

Недавно в Ленинграде состоялось творческое собрание писателей России, пишущих на «рабочую тему». Обсуждение затронуло многие проблемы и трудности, но это, я думаю, должно стать лишь началом широкого разговора о теме рабочего класса в советской литературе, разговора, который непременно возникнет на предстоящем IV Всесоюзном съезде советских писателей. Не претендуя на выявление всех причин, вызвавших нынче вопрос — почему у нас мало книг о рабочем классе? — мне все же хотелось выделить из них одну.

В годы первых пятилеток многие конфликты, вызванные классовой борьбой, были настолько обнажены и обострены в реальной действительности, что конкретные события иногда прямым путем перекочевывали на страницы книг. Литература была увлечена энтузиазмом строительства индустрии, сложностью отношений старых специалистов и, конечно же, проблемами ударничества, стахановского движения, создания своих технических кадров, освоения новой техники вчерашними крестьянами. Со временем, когда социальные противоречия в значительной мере стерлись, в литературе о рабочем классе обнаружился некий «кризис жанра». Возникло тяготение к романтическим ситуациям, к «экзотике». Повышенный писательский интерес стали вызывать «редкостные» профессии — например, шопера, работающего за Полярным кругом, монтажника-высотника, шахтера, да еще действующего в каких-нибудь сверхопасных условиях.

Таким образом сужался круг тем, связанных непосредственно с обычным производством, которое характерно для нашей промышленности и в котором занято огромное количество людей. Кроме того, даже безусловно жизненный конфликт новатора и консерватора постепенно был сведен к схеме. В различных романах и повестях на тему «новатор — консерватор» варьируется одна и та же

ситуация. Приходит, допустим, на завод новый главный инженер или директор и начинает внедрять какую-нибудь новую машину. Ему, конечно же, мешает директор (если пришел главный инженер) или главный инженер (если пришел директор), мешает ряд рабочих-консерваторов, а ряд рабочих-новаторов ему помогает. Одновременно намечается какая-нибудь «захватывающая» любовная коллизия, поскольку автор боится, что основной конфликт читателя не захватит — ну, что-нибудь вроде: героя оставляет жена или влюбляется сам герой. События складываются так, что в кульминационный момент — нельзя же без кульминационного! — все оставляют его... Кажется, что сейчас и начнется основной конфликт, что вот-вот развернутся события, которые покажут, во имя чего написана книга, — но не тут-то было! Вскоре все разворачивается обратным порядком: машину внедряют, жена возвращается или он понимает никчемность предмета своего увлечения, и все кончается общим ликованием...

Я СНО, что художественной литературе не нужно решать технические, организационные проблемы — они решаются специалистами, сведущими в них гораздо больше писателя. Но, с другой стороны, нельзя отвлекаться от атмосферы, в которой живут производственники, от того, чем они ежедневно занимаются. Так называемый «производственный роман» в наши дни стал уже анахронизмом, но его рецидивы, слобренские любовными приключениями «передовиков производства» нередко встречаются и поныне. Происходит это потому, что их авторы, как правило, идут не от жизни к проблеме, а руководствуются задачей проиллюстрировать определенную общественную проблему, к тому же выраженную нередко уже в решениях и постановлениях, выбирая в жизни лишь факты и непосредственные впечатления в порядке «творческой командировки». Не удивительно, что такие авторы углубляются в чисто производственные вопросы, а отношения живых людей не укладываются в рамки, заранее намеченные этими литераторами. Между тем именно жизнь человеческая была, есть и будет «спецификой» и назначением писательского труда.

Да, литератор, пишущий на «рабочую тему», не может отвлекаться от производства, от его насущных проблем и задач. Как, наверное, у многих писателей, у меня существует «свой» завод, «свое» предприятие, которое знаешь, за которым следишь много лет. У меня это Кировский завод, завод «Электрик», «Ленэнерго».

Мы много говорим об авторитете рабочего класса и в то же время нередко слышим по радио, читаем в газетах: «Он был простым рабочим, а стал доцентом». Невольно хочется спросить в таком случае: «Что же тут удивительного?» В двадцатые годы, когда создавалась наша советская интеллигенция, это могло звучать. А сейчас? Помогает ли такое подчеркнутое противопоставление доцента простому рабочему воспитывать гордость рабочего за свое место в жизни?

На Кировском заводе ежегодно увольняется несколько тысяч рабочих. Значительная текучесть рабочей силы имеется и на других предприятиях. Чем она вызвана?

Однажды я наблюдал: приходит парень в заводской комитет комсомола и заявляет:

— Я ухожу с завода.

— Почему уходишь?

— Я проработал три года токарем на полуавтомате, мне дальше расти некуда, разряд там требуется невысокий...

Такую молодому человеку нельзя сказать: «Нет, ты должен остаться». Нельзя потому, что это находится в противоречии со всеми

задачами, которые ставит и комсомол, и наша общественность, в противоречии с естественным желанием человека расти, совершенствоваться. Видимо, руководителям производства в повседневной практической работе никак уже нельзя упускать из виду ту цель, которую мы называем стиранием различий между трудом умственным и физическим. А литератору тут тоже есть над чем поразмыслить...

Наша пресса много пишет о героических поступках на производстве. Но всегда ли мы верно оцениваем такие явления? Я понимаю героизм, когда железнодорожный обходчик бросается под колеса поезда, чтобы спасти жизнь ребенка. Можно восхищаться самоотверженностью мастера, который лезет в раскаленную печь, чтобы в короткий срок починить ее. Но если самоотверженность рабочего заведомо вызвана организационными неполадками? Если героизм одного требуется лишь затем, чтобы прикрыть головоунытие другого?

Подобные героические поступки нередко порождают беспорядками, тем, что руководители не могут наладить четкой работы на производстве. В то же время существует другой героизм, который заслуживает, чтобы его постичь и изобразить. Это героизм повседневной трудной и сложной работы.

Пройдите по цехам того же Кировского завода, зайдите в обрубку, где люди при помощи пневмозубил работают целый день на обрубке фасонного литья, в страшном грохоте и так, что рука отнимается, ногти белые. Работа тут — истинный героизм.

Очевидно, чрезвычайно знаменательный рост самосознания людей, непосредственно занятых на производстве, будет происходить с осуществлением экономической реформы. Современная техника изменила и будет дальше изменять взаимоотношения между инженерно-техническими работниками и рабочими.

Советская литература, на мой взгляд, обязана показывать современную производственную жизнь во всей ее доподлинности, правдиво, без прикрас, раскрывая характер, облик, психологию рабочего человека.

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ некая особая психология рабочего? Мне кажется, да. При всем том, разумеется, что многие социальные различия в нашем обществе устранены и стерлись.

Представляю себе, что, занимаясь, например, темой науки, я мог бы написать ученого без его лаборатории, без его института, но я не смогу обойтись без раскрытия его взглядов на мир, его мироощущения, без его своеобразного подхода даже к обычным житейским делам, без его особой, неповторимой психологии.

Психология советского рабочего определяется среди прочего тем, что он по роду своей жизни и деятельности соприкасается с огромным количеством людей. Он организационно связан с ними, от него все зависит, и он зависит от всех. В рабочей среде меньше людей с обывательскими наклонностями, чем среди других слоев нашего общества. Рабочий человек не мыслит себя вне трудового коллектива. И эта психология должна ощущаться в художественном произведении, если даже персонаж изображается в отрыве от производственной деятельности.

Продолжением открытия «рабочей темы», сделанного советской литературой, должно стать глубокое осмысление современных социальных процессов, происходящих в рабочей среде, правдивое и талантливое изображение людей труда, утверждение характеров ярких, мыслящих, творящих, смело отстаивающих свои убеждения.

ЛЕНИНГРАД.